

© 2011 г.

Академик В.А.ТИШКОВ

НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

(размышления после XXI Международного конгресса исторических наук)

22–28 августа 2010 г. в голландском городе Амстердаме состоялся XXI Международный конгресс исторических наук – событие достаточно примечательное в мировой историографии, хотя и не столь драматичное, как это было в годы “холодной войны”, когда трибуны исторических конгрессов становились местом жесточайших идеологических противостояний. На конгрессе на первый план вышли проблемы, которые сегодня действительно волнуют как профессиональных историков, так и широкие категории населения – от ностальгирующего обывателя до политика и активного блогера. А именно: как соотносится всемирная история и ее национальные версии, где пределы профессионального знания и его влияния и как сегодняшнее историописание оказалось зажатым между политикой и правом, возможен ли некий канон в историческом образовании и другие не менее интересные и актуальные проблемы. В этой статье я затрону некоторые из них, а точнее – изложу соображения по поводу дискуссий вокруг вопросов истории в России в контексте дискуссий на конгрессе в Амстердаме. Но речь пойдет не только об этом, ибо статья названа с некоторой претензией на определение нынешнего состояния исторического сознания и статуса историописания как *новой исторической культуры*.

К написанию статьи меня подтолкнула не только поездка на конгресс, но и газетные публикации: первая – это интервью с Э.С. Радзинским в газете “Известия”¹, в котором он утверждает, что науки истории не существует; другая – интервью в газете “Московский комсомолец” с героями многомесячного шоу на Пятом канале телевидения “Суд времени” Л.М. Млечиним и С.В. Кургиняном, из разговора которых напрашивался вывод о полном релятивизме в истории. Ныне исторические версии могут утверждаться голосованием телеаудитории, как если бы голосованием решался вопрос о количестве хромосом в генах. Понятно, что произведения Радзинского – это своего рода бизнес, завоевание популярности на исторической беллетристике (его книги о русских правителях стоят в витринах книжных магазинов многих стран мира), а “Суд времени” – удовлетворение общественного запроса на разговоры о прошлом с попыткой его объяснить и, если можно, как-то примирить с настоящим. Причем ирония в том, что современная жизнь в России отвергается тотально, и здесь спорить вроде и не о чем: сплошной провал и историческое дно, от которого едва удастся отскакивать. А вот по поводу прошлого можно поспорить, особенно в оценке больших катаклизмов и деятельности исторических персонажей.

Тишков Валерий Александрович – действительный член Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, руководитель секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН.

¹ Известия, 15. X. 2010.

Страна-телеаудитория (в передаче есть момент: “а вот как голосует страна!”) разделилась между противоположными точками зрения, но в целом она голосовала за возврат в СССР, точнее – в прошлое, включая дореволюционное, ибо “тогда было лучше, чем сейчас”. Как объяснил Кургинян, “я отношусь к советскому наследию как к фактору будущего, считаю, что оно имеет огромную историческую ценность. Ведь там намечалось что-то безумно важное для человечества и что до сих пор не потеряло актуальность. Наша страна, не вернувшись правильным образом к своему советскому опыту, не сдвинется ни на шаг, а будет катиться вниз”². С ним согласен и его оппонент Млечин. Он считает мнение аудитории отражением “уровня понимания исторической действительности, которая историками сегодня достигнута”: “Многие ищут опоры не в будущем, а в прошлом, что трагично. Во время съемок программы про Брежнева зал буквально взорвался, зрители стали кричать, что при Брежневе было то, другое, третье. Я смотрю – кричат молодые люди, которые выросли после его смерти. Это связано с тяжелым разочарованием народа в сегодняшнем дне”³.

Итак, как лучше понять прошлое из настоящего, если в настоящем в головах царит хаос? Современное российское общество волнуют транспортные пробки в городах в результате сплошной автомобилизации населения, и одновременно общество хотело бы еще получить для каждого по автомобилю “Волга”, которые были обещаны на вчерашних вечерах. Как сказал в своем выступлении на конференции по теме исторического образования депутат Госдумы В.Р. Медынский – автор публицистических книг по исторической тематике, “за последние 20 лет я ничего хорошего в своей жизни не почувствовал, и единственная перемена – вместо одного часа стал добираться до работы из Подмосковья два-три часа”. Однако в этом же выступлении он призвал писать историю России на позитивных примерах, видимо, имея в виду то прошлое, которое было до 1991 г.

По поводу кризиса понимания современной России и ее отрицания как нормальной страны я уже писал неоднократно⁴ и до сих пор считаю, что отечественная экспертная элита, включая коллег по гуманитарным и социальным наукам, провалилась в объяснении российских реформ и состоявшихся перемен в условиях жизни населения. Зарубежные эксперты особенно не утруждали себя в переубеждении россиян по поводу якобы очередной исторической неудачи их страны. Недавняя индоктринация населения насчет “кровавых девяностых” и “отталкивания от дна”, достигнутого страной в своем падении в период “нулевых” лет, была столь масштабной, что предшествующее советское и еще более далекое прошлое стало казаться стабильным, благополучным и даже “нашим неизбежным будущим”, если следовать за Кургиняном.

Где же в таком случае профессиональные историки или такой науки уже не существует, как убеждает нас Радзинский? Или же, как заявил В.Т. Третьяков, “утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются”⁵. Тогда кого же учат пять лет на сотне исторических факультетов российских университетов и кому ВАК присваивает ежегодно более тысячи научных степеней в области исторической науки? Наконец, помимо профессионалов по изучению прошлого, есть еще общее историческое образование, которое начинается со школы и имеет в нашей стране прочные традиции, в отличие от некоторых стран, где история в качестве школьного предмета отсутствует вообще, как, например, в Австралии и Новой Зеландии. Кстати, и вокруг школьных учебников по истории в последние годы шли острые дискуссии. В одном из клубов партии “Единая Россия” осенью 2010 г. обсуждался вопрос о возможности создания единого школьного учебника по истории. А обсуждение в Общественной палате РФ вузовского учебного пособия по истории России

² Московский комсомолец, 15.X.2010.

³ Там же.

⁴ См., например, раздел “Антропология российских трансформаций” в кн.: *Тишков В.А.* Этнология и политика, 2-е изд., доп. М., 2004, а также: *Тишков В.А.* Кризис понимания России. М. – Воронеж, 2006.

⁵ Известия, 25.XI.2010, с. 6.

советского периода⁶ вызвало петицию группы российских писателей в защиту “русских историков”, за которой последовала кампания поддержки в блогосфере, беспощадной и поверхностной по своим оценкам.

Историкам опять ничего не оставалось, как только затаиться перед столь мощной узурпацией их профессиональной сферы неофитами и идеологическими воинами. Благо, что у большинства исследователей есть свои планы, тематическая специализация, учебные обязанности и т.д. Выступить от имени профессионального сообщества историков в России, к сожалению, некому, ибо национальной ассоциации или исторического общества у нас нет, нет даже академического журнала общеисторического профиля. Но это не означает, что вышеупомянутые газетные публикации и телепрограммы отражают уровень исторического понимания, достигнутого современными историками. На самом деле *существует разрыв между популярной и кабинетной историей, и не только разрыв, а крайне нежелательное для общества отчуждение одной от другой*. Энтузиасты популярных версий иногда стали называть академических ученых “историками традиционной ориентации”, относя самих себя, видимо, к какому-то другому (вероятно, “нетрадиционному”) направлению. В стране назрел разговор на тему: “Осторожно, история!” (так называется довольно содержательная серийная передача на радио “Эхо Москвы”). Этот разговор важен и для обсуждения вопроса о национальном самосознании (идентичности) россиян.

О НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В чем суть самого понятия “историческая культура”, утвердившегося в современной мировой историографии? В российской исторической науке в последнее десятилетие под руководством Л.П. Репиной выполнена солидная серия коллективных исследований на эту тему, в которых на материалах мировой и российской истории раскрывается содержание данного феномена и одновременно научного направления. В вводной статье к одному из таких трудов Л.П. Репина пишет о появлении исторической культуры как предмета исследования, связанного с изучением истории представлений о прошлом. Это направление предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в контексте социального опыта, исторической ментальности и процессов духовной жизни общества. Важными в изучении исторической культуры оказываются исторические мифы, ментальные стереотипы, обыденное историческое сознание, историческая память как “совокупность восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения, рационализации и осмысления последнего в «ученой культуре»”⁷.

Приведу цитату из вышеупомянутой статьи об исторической культуре как предмете исследования: “Обширный и разнородный материал исторических сочинений (памятники устной традиции, анналы, хроники, летописи, “церковные истории”, “истории народов”, “естественные истории”), публицистической и художественной литературы, а также документов частного и публичного характера, который так или иначе отражает социальное бытование представлений о прошлом в элитарной и народной культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, является первоклассной источниковой базой для изучения *исторической культуры*, включая динамику взаимодействия *представлений о прошлом*, зафиксированных в коллективной памяти различных этнических и социальных групп, с одной стороны, и *исторической мысли* той или иной эпохи – с другой, притом, что ученое знание влияет на становление

⁶ См. Известия, 23.XI.2010, с. 3.

⁷ История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. Под ред. Л.П.Репиной. М., 2006, с. 9. См. также: Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. Под ред. Л.П.Репиной. М., 2010. По сходной проблеме выполнено также фундаментальное исследование: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание в прошлом: теория и история, т. 1–2. СПб., 2003–2006.

коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов”⁸.

Л.П. Репина приводит также определение исторической культуры, данное канадским историком Д. Вульфом в его работе по английской исторической культуре эпохи средневековья: “Историческая культура порождает и питает официальное историописание эпохи, и сама, в конечном счете, подвергается его обратному воздействию... Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения – например, в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу, такому, как “древность”. Характерные черты исторической культуры определяются материальными и социальными условиями, а также случайными обстоятельствами, которые, как и традиционно изучаемые интеллектуальные влияния, обуславливают манеру думать, читать, писать и говорить о прошлом. Сверх всего, представления о прошлом в любой исторической культуре являются не просто абстрактными идеями, зафиксированными для блага последующих поколений... Скорее, они являются частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других коммуникаций”⁹.

Как мы видим из приведенных цитат, некоторые теоретические ответы уже были предложены исследователями, в том числе вывод о меняющейся природе исторического сознания и ремесла историка, а также об изменении общественного статуса самой исторической науки. В работах последних лет на новом материале еще раз было подтверждено, что история не только вариативна, но и неисчерпаема в своей способности поставлять материал для новых открытий и ревизий. Каждое поколение людей как бы создает свою версию истории, в большей степени соответствующую вопросам и проблемам, которые встают перед живущим поколением. История – это не просто “писать, как было” (согласно Н.Я. Данилевскому), но и писание с определенной целью. В свое время французский антрополог К. Леви-Стросс сказал, что “история никогда не является просто историей чего-то, но всегда история для чего-то”¹⁰.

Сегодняшнее историописание – ключевой компонент нацистроительства (как, например, в новых странах после распада СССР и Югославии) или средство переосмысления старой национальной идентичности (например, в случае перехода национальной идентичности от *английскости* к *британскости* в Великобритании либо от концепции “белой” к формуле мультикультурной Австралии). Кроме того, историописание – средство легитимации власти и существующего порядка или же претензий на его изменение либо упразднение. К примеру, изданный Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с абхазскими учеными историко-этнографический труд “Абхазы” (М., 2007) стал активным образом использоваться властями Абхазии в качестве доказательства давнего и суверенного существования абхазского народа и его государственности. Осуществляемые местными историками многотомные истории татар или башкир, видимо, нужны для того, чтобы подтверждать титульный статус данных этнических групп в одном из регионов страны и даже для еще более амбициозных целей. История повсеместно сохраняет и свою давнюю функцию гуманитарного просвещения и воспитания ценностных норм и взглядов – от патриотизма и “любви к Родине” до ненависти к “врагам народа”.

Вместе с утверждением релятивистского понимания исторического знания сложилась, главным образом усилиями французских историков, цельная теория исторической (или культурной) памяти. Она не только отделила память от историописания, но и провела более тонкую границу между непосредственной (устной или живой) тради-

⁸ История и память, с. 13.

⁹ Цит. по: там же, с. 15.

¹⁰ *Levi-Strauss C. La pensee sauvage. Paris, 1962, с. 340–341.*

цией памяти, ее бытованием в повседневной жизни и институализированной и коллективно освоенной исторической традицией, которая воплощается в топонимике, памятных местах, календаре, искусстве. *Коллективная память предстала как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как массовое представление о прошлом на групповом уровне.* Это есть живой процесс постоянного запоминания и забывания, но некоторые константы исторической (коллективной) памяти становятся ценностно значимыми для общества и входят важнейшими составляющими в идентичность его членов. Трудно себе представить, например, армянскую идентичность без памяти о геноциде 1915 г., идентичность евреев без памяти о Холокосте, современное национальное самосознание россиян без Великой победы 1945 г.

Но почему тогда мы говорим о новой исторической культуре, которая формируется, по нашему мнению, в последние одно-два десятилетия как в России, так и в ряде других стран? Некоторые авторы полагают, что в историографии были открыты темы и направления, а вместе с ними – “миры, о которых никто и не подозревал”, и это усложняло понимание нашего наследия¹¹. Отсюда пошло “дробление традиций” в современной культуре и, как результат, – альтернативные представления о прошлом, отступление некогда доминировавшего консенсуса по поводу национальных версий истории и глобальных трактовок. Действительно, можно признать, что *современное историческое описание своей искусной способностью раскрывает многообразие прошлой жизни и своей доступностью разным акторам, вплоть до отдельных разбогатевших селян, заказы-вающих историю своей малой родины, как бы разрушило целостность коллективной памяти.*

Такой вывод представляется мне справедливым – достаточно посмотреть современные библиографии и списки продаваемых книг по истории в Интернет-магазинах. Здесь многообразие жанров и тематики, переизданий и переводов исторических трудов и исторической публицистики просто поражает. Как два десятилетия назад социально-культурная антропология амбициозно расширила свои интересы, вплоть до антропологии гендера, цунами, СПИДа, морали и т.д., примерно так же современная историография осуществила экспансию научных направлений, тем и сюжетов. Не говоря уже о радикальных изменениях в методах презентации исторического материала и появлении новой индустрии, которую стали называть *histotainment* (развлечением историей). *Эти обстоятельства, включающие внутреннюю логику эволюции дисциплины, изменение общественной среды и технологических ресурсов, стали факторами радикального изменения содержания исторической культуры.*

ГЛОБАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИИ

В традиционной историографии сложились три уровня рассмотрения прошлого, организации исторического материала и институализации профессионального сообщества: глобальный (всеобщая история), национальный (отечественная история), регионально-партикулярный (история регионов и мест). Эта данность была подвергнута некоторой ревизии на конгрессе историков, и у меня на этот счет есть свои соображения.

Не будем забывать, что существуют разные по жанру и целям истории: от истории отдельной семьи, рода или села до всемирной. Из советских времен вспоминаются крупные проекты: 26-томная “История городов и сел Украинской ССР”, написанная в 1970-е годы учеными-историками в Киеве, и “Всемирная история”, изданная под редакцией академика Е.М. Жукова. Параллельно с этим Институт всеобщей истории АН СССР издавал истории зарубежных государств (4-томную “Историю США”, 2-томные истории Франции, Швеции, Италии, Югославии и других государств). “История СССР с древнейших времен и до наших дней” была своего рода бесконечным мегапроектом. В союзных республиках выходили многотомные истории республик и населяющих их народов. В целом советская историография была амбициозной, неплохо обеспеченной

¹¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003, с. 15.

кадрами и институтами и, при всех своих недостатках, одной из мощных национальных школ в мире профессиональных историков.

Советские времена ушли в прошлое. Вместе с ними обесценилась часть написанного в те годы по причине унитарных методологических установок, сокрытых документов и существовавших табу, а также недостаточного профессионализма значительной части тех, кто называл себя “историками партии” и составлял добрую половину носителей научных степеней по истории. На смену пришло новое поколение исследователей, которые бросились в открытые архивы и в поиск новых интерпретаций, не всегда удачных, но ожививших научную жизнь и обогативших нашу науку. При этом плодотворно продолжают работать и те, значительная часть профессиональной карьеры которых пришлась на советские времена.

После благодатного освобождения от идеологического диктата, с открытием многих архивов и с новым масштабом международных контактов в российской историографии последних 20 лет было сделано очень много, и этот плодотворный период пока еще не нашел достойной оценки. Более того, как я отметил выше, в медийном пространстве появились тенденции пренебрежительного отношения к историописанию вообще. Тем не менее, профессия наша остается востребованной, и профессиональных историков в мире не становится меньше, ибо мне не известны факты закрытия исторических факультетов в каких-либо университетах мира. А вот сама наука меняется и очень интересным образом.

На конгрессе одна из важных дискуссий была посвящена соотношению глобального, национального и местного в историописании (сессию “Национальные истории и глобализация истории” организовала немецкий историк С. Попп). Я выделил бы доклады американцев Дж. Бентли и К. Бенцигера, а также доклад К. Рибенса из Роттердамского университета на тему: “Вторая мировая война: национальная или глобальная история?”.

Итак, в чем суть проблемы? Если мы возьмем исторические трактаты древности, начиная с “отца истории” Геродота, то убедимся, что предметом описания были самые разные темы: история войн, династий, военных походов и путешествий с описанием народов, биографии выдающихся правителей и т.п. История государства как основная единица описания появилась в XIX в., в период образования современных национальных государств и в то же время формирования профессиональной исторической науки. Само историческое образование и кадры историков, а также публикаторская деятельность были ограничены рамками государств: международных издательств и торговых сетей тогда еще не существовало. Вполне естественно, что историки прежде всего писали историю собственной страны и ее населения. Государство считалось самой значимой и наиболее легитимной (с правом отправлять насилие в отношении своих граждан) формой социальных коллективов людей. Таковым, кстати, оно остается и по сей день. По этой важной причине длительное время словно бы и не существовало вопроса о конкурентном взгляде на историю. Национальная история представляла собой главный жанр историописания.

Кроме того, *национальные истории составляли необходимый компонент самого процесса государствообразования, создавая из населения народ, территориально очерчиваемый установленными пространственными границами и соединяемый конструируемой версией общего и обязательно автохтонного происхождения*. Кстати, что-то похожее произошло и с этнографией, в частности российской, когда зафиксированная учеными в конце XIX – начале XX в. культурная ситуация в период становления этой науки стала казаться нормой. Она получила название “традиционная культура”, а все, что последовало за ней, стало представляться как “исчезновение традиции”, отход от идеальной нормы, воплощенный в почти негативном по смыслу определении “современность”.

Интерес к всеобщей истории и попытки ее научной периодизации и написания общего текста, как правило, в многотомных изданиях, имели место в мировой историографии, особенно после Второй мировой войны. Здесь одними из пионеров были советс-

кие историки с их предписанным репертуаром изучать все эпохи и все страны, опираясь на марксистскую версию глобального исторического процесса (от первобытного общества к подлинному коммунизму). Изданная в 1960-70-е годы Институтом всеобщей истории АН СССР “Всемирная история” в 13-ти томах явилась заметным проектом в мировой историографии по написанию глобальной истории. При всех ее недостатках, связанных с коммунистической идеологией, воздействием геополитических противостояний и нехваткой частных разработок по истории стран, регионов и мест, этот труд вместе с одновременно изданной “Исторической энциклопедией” в 18-ти томах был и остается уникальным в мировой историографии. Почти в это же время ЮНЕСКО осуществило проект написания многотомной “Истории человечества”. На конгрессе один из молодых западных историков назвал данный проект неудачным, на что академик А.О. Чубарьян справедливо напомнил, что этот труд в 1990-е годы был обновлен благодаря совместной работе ученых многих стран из числа бывших идеологических противников и новое издание (кстати, вышедшее и на русском языке) назвать неудачным никак нельзя.

И все же внимательный взгляд на прошлые “всемирные истории” обнаруживает их жесткую привязанность к национальным историям. По большому счету они представляли собой сумму историй национальных государств, за исключением истории мировых войн, международных национально-освободительных и рабочих движений. Это также социальная-политическая история и лишь частично история культуры.

Опыт Ф. Броделя по созданию больших исторических полотен и их построение не вокруг политической сферы, а вокруг других сфер человеческой деятельности (окружающая среда и ресурсы, экономика и торговля, миграции и т.д.) не давал покоя историкам, представлявшим сильные национальные историографии. Изменение мира в последние десятилетия под воздействием процессов глобализации, кризис национальных государств по части обеспечения безопасности и достойных условий жизни людей, рождение новых “исторических акторов” в форме транснациональных сообществ и институтов оказались решающими факторами для того, чтобы неудовлетворенность историков ограничителями национальных нарративов переросла в серьезные дискуссии с интересными соображениями и проектами.

В своем докладе на конгрессе Дж. Бентли сформулировал сверхзадачу нового историописания довольно радикально – это “освобождение глобальной истории от национальных историй”. По его мнению, старая формула Л. Ранке – государство есть духовная общность, замысленная Богом, – ныне не работает. В последние десятилетия появились серьезные альтернативы национальному нарративу. *Новая глобальная история создается уже вне фокуса национальных историй. И одновременно идет процесс глобализации самих национальных историй.* Они все больше вписываются в общемировой контекст, и в них все сильнее отражаются внешние факторы и воздействия, а также своего рода тектонические сдвиги в глобальной человеческой эволюции – от климатических, ресурсных до технологических и информационных.

Сюда же можно добавить глобализацию самой историографии, когда авторами национальных историй выступают не всегда отечественные историки и довольно часто – международные команды. В одной из своих статей я писал, что национальный нарратив – это прежде всего домен отечественных историков¹², и придерживаюсь данной позиции до сих пор. Но даже в такой сильной историографии, как российская, переводные работы зарубежных авторов оказали в последние два десятилетия заметное влияние на формирование постсоветских версий национальной истории. Некоторые зарубежные специалисты заняли место среди авторов ведущих учебных пособий по российской истории (Дж. Хоскинс, Р. Пайпс, Э. Каррер Данкосс, Д. Ливен, А. Каппеллер и др.). Их цитируют даже чаще, чем отечественных специалистов, когда, помимо документальных источников, необходимы авторитетные аргументы. Например, по по-

---

¹² Тишков В.А. Историческая наука: новые вызовы и задачи для России. – Вестник российской нации, 2010, № 1–2.

воду имперской природы российского/советского государства, причин его распада или характера сталинского режима.

Для некоторых новых государств или для малых образований со слабыми историографическими школами их национальные версии вообще были написаны иностранцами. Только в особых случаях собственные “краткие курсы” создали “отцы нации”, как это было сделано, например, покойным Туркмен-баши в Туркмении. Историографический изоляционизм после окончания “холодной войны” был не в моде, что вызывало у многих историков пиетет перед заграничными трактовками. Однако все это не мешало создавать почти во всех новых государствах, образованных после распада СССР и Югославии, собственные националистические версии прошлого, где во главу угла ставили историю “своего народа” (сугубо в этническом понимании) и свершения “собственной государственности”.

В рамках данной проблемы выявляются некоторые родовые слабости национальных нарративов, о которых уже было много написано, но которые так и не удалось преодолеть. Во-первых, это мотивированная идеологией и политикой выборочность самой версии национальной истории, создаваемой историками той или иной страны. Историк К. Бенцигер отметил, что в американском национальном нарративе опускаются целые периоды истории США, особенно конец 1940-х – 1950-е годы, связанные с войной во Вьетнаме, а также замалчиваются важнейшие общественные события, например, движение за гражданские права в 1960–1970-е годы.

Историки, которые пытаются подвергнуть сомнению своего рода официальный консенсус, обретают реноме “ревизионистов”, бузотеров-маргиналов, как это случилось в 1970-е годы с левым американским историком Дж. Лемишем. В США были периоды, когда историки-ревизионисты были вынуждены покидать страну, как произошло с Г. Колко, написавшим книгу с критическим анализом внешней политики США и в результате оказавшимся в одном из канадских университетов¹³.

О выборочном подходе в изложении отечественной истории России, особенно советского периода, говорить не приходится. Отступления от доминирующей версии в трактовке даже таких древних сюжетов, как “Слово о полку Игореве”, карались многолетним табу на издание научных трудов и изощренным остракизмом, а попытки написать о сталинских депортациях заканчивались изгнанием из страны. Здесь достаточно назвать имена известных советских историков А.А. Зимина и А.М. Некрича.

До последнего времени национальные нарративы грешили игнорированием достижений зарубежных коллег, т.е. своего рода интеллектуальным изоляционизмом. Последний объяснялся идеологическими установками или же тривиальным самодовольством. Проживая в начале 1960-х годов совместно с американским стажером-историком М. Малия в общежитии МГУ на Ленинских горах, я получил от него книгу И. Дойчера “Сталин. Политическая биография” и за это едва не заплатил своим студенчеством. А подаренная им его собственная книга “Герцен и рождение социализма в России”, затерявшаяся в моей библиотеке, была издана в России лишь спустя полвека: в сентябре 2010 г. я получил приглашение на семинар в Институт философии РАН с презентацией этой книги! Жаль, что отечественные исследователи нескольких поколений были лишены возможности прочитать данную работу, которую трудно отнести к фундаментальным трудам, но знать необходимо.

Самодовольство национальных историографий я вижу, например, в том, что бесспорно выдающиеся труды российских историков, в частности по истории США, Франции, Англии, фактически никак не использовались в разработках национальных версий прошлого этих стран. В порядке исключения можно назвать работы Е.А. Косминского по аграрной истории средневековой Англии и Н.И. Кареева по французской истории Нового времени, а также труды Н.Н. Болховитинова по истории Русской Америки и российско-американским отношениям, переведенные на английский язык и изданные в США.

¹³ Этот период был описан мною в кн.: *Тишков В.А.* История и историки в США. М., 1985.

В нынешней судьбе национальных историописаний наметилась еще одна тенденция, подрывающая центральное место данного историографического жанра, – это рождение микроистории, т.е. истории субнациональных сообществ и мест, отдельных этнических групп, общин, фамилий, регионов, городов, сел. Бентли называет такую тенденцию “вторым поворотом от национального к локальному”. Действительно, микроистория, или местная, история вносит сегодня огромный вклад в формирование местных культур и идентичностей. В то же время местные версии обогащают историческое понимание в целом и позволяют на их материале придавать национальному нарративу более сложный, инклюзивный характер, когда те или иные группы населения или региональные сообщества не чувствуют себя исключенными из национальной истории.

Таким образом, сегодняшнюю ситуацию трудно назвать “поворотом к глобальному”, но ясно, что *отход от традиционного видения истории как истории национальных государств происходит вместе с пересмотром и содержания самой версии национальной истории, все более понимаемой как внутренне инклюзивная для разных групп и одновременно более вписанная во всемирно-исторический контекст*. Не у всех и не всегда это получается хорошо, но тенденция существует именно в этом направлении.

ИСТОРИЯ МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ПРАВОМ

Современное историописание и вместе с ним историческое сознание оказались в ситуации между политикой и правом, но, по мнению выступавшего на конгрессе немецкого историка Й. Рюсена, “исторический тезис в отличие от политического или правового имеет другую основу и логическую форму”. Самое существенное, что произошло в последние годы, – это вторжение действующих правовых норм в трактовку прошлого, как если бы людские сообщества постоянно жили по нынешним нормам, имели бы такие же представления о добре и справедливости, моральные и ценностные установки, судили бы о событиях, о себе и других людях так же, как делают это сейчас.

Политики и общественные активисты, особенно из находившихся в прошлом в рабочем положении меньшинств, или же, по мнению энтузиастов “исправления исторических несправедливостей”, из тех, кто подвергался насилию, дискриминации, ассимиляции и другим “прегрешениям прошлого”, инициировали на уровне государств и международных структур дебаты по поводу “исторической ответственности”. В этом приняли активное участие ученые-интеллектуалы, включая историков, антропологов, философов. После философско-антропологических работ Ф. Фанона, Э. Саида, Х. Баба, И. Галтунга (норвежец, женатый на гавайке) и других западных интеллектуалов азиатско-африканского происхождения появились такие направления в гуманитарных студиях и теоретико-методологические доктрины, как “постколониализм”, “структурное насилие”, “теория зависимости”, “догоняющее развитие” и т.п.

Возникли общественные движения и организации, поставившие целью защиту меньшинств, “нестатусных” народов и “непризнанных” государств. Их требованиями стали “признание” народов, историко-правовое осуждение совершенных в отношении народов или групп населения геноцидов, экоцидов и этноцидов, установление “исторической правды” и т.д. Вслед за ними появились “комиссии правды” (truth commission, как в ЮАР после отмены режима апартеида), международные комиссии расследований и установления фактов. Наконец, был возрожден опыт Нюрнбергского трибунала в форме международных судов-трибуналов типа международного суда в Гааге. Были приняты национальные законы и международные декларации, которые “судили историю”, а вместе с этим устанавливали по поводу вынесенных вердиктов правовую, в том числе уголовную, ответственность за попытку подвергнуть сомнению данные законы и судебные решения. Как сказал Й. Рюсен, “слишком много недовольных исходом истории для себя как страны или как сообщества”.

Греческий историк А. Лиакос в своем докладе привел данные о том, что сегодня известно уже более 40 петиций с требованиями признания геноцидов разного толка. Их инициаторами выступают власти некоторых государств, а также общественные, в

том числе и международные организации. Началось все с институционализации Холокоста и принятия германских законов против отрицания геноцида евреев, а затем французских законов, в которых было предусмотрено правовое преследование за отрицание негативных исторических последствий колониализма¹⁴. Право, в частности уголовное, стало заложником исторической памяти, а историописание и даже историческое мышление в публично высказанной форме превратилось в занятие, на которое может распространяться действие уголовного кодекса.

В настоящее время более 70 стран заняты проблемами преодоления исторических травм не просто в форме морального переживания, а именно в форме государственной политики и общественно-правовых действий (Южная Африка, Гана, Либерия, Вьетнам, постсоветские государства). Приведу пример из новейшей российской истории. В апреле 1991 г. Съезд народных депутатов СССР принял Закон о реабилитации репрессированных народов, который предусматривал, помимо осуждения репрессий и компенсационных мер, уголовное наказание за отрицание массовых депортаций людей, совершенных в сталинские времена, а заодно и вообще за любые сомнения по поводу текста всего закона. Когда в апреле 1992 г. я в качестве министра отчитывался перед Верховным советом РСФСР о ходе исполнения этого закона правительством и позволил себе усомниться в правильности некоторых его положений (в частности, восстановления “национальной государственности” в том виде, как это было до депортации), то получил от депутатов предупреждение о возможности возбуждения в отношении меня уголовного дела.

В исторической культуре таких явлений и понятий прежде не было. *“Законы памяти” – недавнее явление, которое характеризует то, как нынешние поколения людей представляют себе прошлое и как относятся к нему.* Последнее даже важнее, чем сам факт установления исторической правды. Это именно “история для чего-то”, т.е. история как политика или, можно сказать, *историческая политика*. Последний термин также достаточно новый в современном общественно-политическом дискурсе. В 1990-е годы я использовал категорию *политика этничности* (не этническая политика!)¹⁵, которую книжные редакторы и часть читателей постоянно пытались подправить в сторону более привычного выражения. Но речь шла именно о политике этничности, или об “этническом предпринимательстве”, – феномене использования этнического фактора в инструменталистских, преимущественно политических, целях. *Сейчас мы можем говорить об исторической политике как о важной и признанной форме общественного сознания, как об одной из характеристик новой исторической культуры.*

Историческая память и историописание обладают властью предписания и определения ценностей и норм поведения, а также мотивов действия. Память и академия делят между собой общее пространство, и здесь нужны критерии и диалог в условиях уже новой исторической культуры. В основе последней, помимо названных характеристик, лежат гораздо в большей степени *моральные аспекты*. Об этом в своем выступлении на конгрессе сказал Рюсен, отметивший, что моралистский подход в истории порождает амбивалентность оценок и отношений к историческим событиям и личностям. Морализм трансформируется, и вместе с ним меняются историческая наука и политика формирования идентичности. И здесь, на мой взгляд, важен не только принцип “никто не забыт, и ничто не забыто”, но и принципы забывания и примирения.

В современной исторической культуре становятся гораздо более значимыми категории страдания и общей ответственности не только за победы, но и за поражения. В предшествующие эпохи люди как будто бы легче и быстрее забывали перенесенные бедствия, социальные катаклизмы и военно-политические драмы. Концепт исторического реванша, хотя и хорошо известный в истории именно как *реванизм*, в настоящее время наполнился новыми смыслами и правовыми подпорками. Религиозный смысл фразы “вечная память” обрел форму “вечного огня” у памятных сооружений (иногда с

¹⁴ См.: Нора П. Расстройство национальной идентичности. – www.valerytishkov.ru

¹⁵ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

постоянным караулом не только профессиональных военных, но даже детей), мемориальной надписи “Никто не забыт, и ничто не забыто”, номерных знаков на автомобилях квебекцев со словами “Мы – помним”. Все это можно рассматривать как новые категории исторического мышления, хотя траур и оплакивание, так же как петиции и жалобы, были в арсенале исторического сознания прошлых эпох. Важно отметить и то, что в прошлом историки были больше заняты изучением активности людей и создаваемых людьми институтов, но страдания и траурность – тоже важный компонент истории, как и категория молчания или безгласности¹⁶. В этом состоит гуманистический подход в истории, за который на конгрессе выступал уже упоминавшийся Рюсен.

ИСТОРИЯ И КИБЕРПРОСТРАНСТВО

Интернет и цифровые технологии в целом изменили не только труд историков, но и само историческое сознание. Археологам известен эффект помойной ямы, в которой они обычно находят самую большую концентрацию артефактов. Интернет становится своего рода всемирной помойкой, откуда почти ничего не исчезает и откуда всегда можно извлечь ранее “выложенный” материал. Для профессионалов это – настоящая революция, ибо стены архивов и библиотек оказались частично разрушенными, за исключением засекреченных фондов и не оцифрованных пока материалов. Но самое большое воздействие было оказано не столько на профессиональное историописание, сколько на создание сетевых сообществ любителей истории, почитателей исторических событий, героев и мест, исторических “реконструкторов” и т.п.

Появилась популярная история в киберпространстве в качестве части его культуры. Здесь зачастую не действуют законы авторства и оригинальности текста, отсутствуют отсылки на источники и проверочные процедуры. Здесь много плагиата и политизированности. Кстати, в истории отечественной общественной мысли уже были периоды (например, XIX в.), когда было не принято точное цитирование с указанием источников, а чужие мысли передавались в вольном пересказе. Но делалось это по моральным соображениям: чтобы не подвести оппонентов под преследования царской охранки. Сейчас чаще всего происходит наоборот: в Интернет помещается заказуха-навет, когда цитаты или мысли автора передаются через высказывания журналистов, некоторые научные тексты разбираются и включаются в чужие произведения без ссылок, фальсифицируются исторические и даже визуальные документы. И делается это с явной целью вызвать ненависть или даже призвать (скрыто или открыто) к расправе над оппонентом. Тем не менее, следует признать, что без Интернета именно исторические данные никогда не были бы доступны в таком колоссальном объеме и такому большому числу людей в мире. *Новая историческая культура означает гораздо более широкую вовлеченность массовой публики в исторические сюжеты – от истории собственного рода и семьи до древних эпох и начала человеческой истории. Современное историческое сознание стало менее строгим и более калейдоскопичным, но не более ограниченным.*

Профессиональные историки активно используют новые возможности для распространения результатов своих изысканий, утверждения академического статуса, полемики с оппонентами, коллегиальных действий и взаимодействия. Интернет-ресурсы по исторической тематике стали важным источником исторического образования. Но есть некоторые издержки этой части новой исторической культуры. Предпочитающие кабинетный стиль и менее темпераментные, но от этого не менее авторитетные ученые проигрывают тем, кто создает свои “империи” в Интернете и использует их для своего рода научных флэш-мобов, которые почти всегда носят политизированный характер. Появился феномен Интернет-петиций историков, к которому, например, обратилось Европейское общество современной истории летом 2008 г., разместив в Интернет-рассылке на несколько тысяч адресов петицию в “защиту свободы исторических исследований

---

¹⁶ Одно из российских исследований по теме см. *Богданов К.А.* Очерки антропологии молчания. М., 1998.

в России”. Инициатор акции итальянский историк Грациози использовал в качестве источника информации сообщение радиостанции “Свобода”, в котором письмо в адрес подведомственных научно-исследовательских институтов, отправленное из Отделения историко-филологических наук РАН, было истолковано как начало кампании по выявлению инакомыслия в российской исторической науке. Ирония в том, что спустя некоторое время та же группа историков обратилась ко мне, как руководителю секции истории Отделения, встать на защиту “преследуемого” новосибирского историка Красильникова, вся “репрессалия” в отношении которого сводилась к ликвидации одного из двух занимаемых им руководящих постов – заведующего кафедрой в университете и заведующего отделом в научном институте. Не делает чести авторам и коллективное письмо историков античности и археологов (340 собранных в Интернете подписей) в адрес Президента США Б. Обамы с призывом “во имя исторической правды” отказаться от употребления названия нового государства “Македония”, образовавшегося после распада Югославии. Таким образом, Интернет-пространство стало местом сведения счетов, морально-политического давления и своего рода идеологических битв, иногда напоминающих времена “холодной войны”.

Эти экзальтированные, двойственные по своим стандартам призывы на весь виртуальный мир к “исторической правде” или за “свободу исследований” – не самая лучшая сторона новой исторической культуры. Но она говорит о многом, и прежде всего о самих историках, об инициаторах подобных действий. История – это окно в доме, в котором мы живем, и если встать на подоконник и орать на всю улицу, то можно сорвать голос или самому сорваться вниз.

НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Воспитание историей – давний инструмент в арсенале социальной инженерии. Когда в 1980 г. я собирал в США материал для своей книги о месте и роли истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе, я спросил одного из тогдашних лидеров американской историографии, в чем цель преподавания истории в США, и получил краткий, но запоминающийся ответ: воспитать ответственного гражданина. Сейчас в той же самой Америке и в других странах распространено мнение, что воспитание гражданской идентичности в значительной мере берет на себя так называемое *образование наследием* (heritage education), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание.

На конгрессе прошло заседание по теме: “Национальная идентичность и гегемония памяти”, и вопрос о соотношении историописания и исторической памяти обсуждался именно в аспекте музейных репрезентаций. Шведский профессор П. Аронсон, занимающийся проблемами историко-культурного наследия и музейных презентаций, отметил в своем докладе, что музеи обращены прямо к публике, используют все доступные материалы, начиная с археологии, но главный их смысл сохраняется повсюду. Как правило, это – “национальный музей истории” государства-нации, что и призваны представлять предметы экспозиции. “Чем более идеологичен проект нацистроительства, тем больше требуется научной аргументации”, – отметил докладчик.

Музеи становятся важнейшим институтом государственностроительства. На примере постсоветского пространства отметим, что у новых государств обычно мало ресурсов для музейного строительства, но они задействуют все, что можно узурпировать, в свою пользу. Или же выбирают позицию исключительности. “Мы – очень маленькие и можем представить лишь историю своей оккупации”, – как бы говорят музейные экспозиции и даже целые “музеи оккупации” в Риге и Тбилиси. Пожалуй, только в Китае господствует идея “музеи для социальной гармонии”, и экспозиции, помимо партийной идеологии, стремятся продемонстрировать глубину и целостность общекитайской историко-культурной традиции, хотя китайское прошлое дает более чем достаточно материала для показа иностранного владычества, внутрикитайских распрей и жестокостей.

“Хэритидж” имеет много аспектов, в том числе и туристско-развлекательный, но главное – он вызывает у человека гораздо больший, подлинный интерес, нежели выполнение домашнего задания. *Образование через наследие помогает понять значение и место истории в настоящем, создает образ события или эпохи, чего, как правило, не может сделать учебный текст. Через такое восприятие прошлого могут лучше усваиваться исторические схемы и мета-концепции, лучше осознаются перемены и преемственность в жизни людских сообществ. Ознакомление с наглядными свидетельствами прошлого порождает важное ощущение, что все имеет историю, а отсюда рождается вкус к истории и развивается интерес уже за пределами школьного класса.*

Конечно, у воспитания историческим наследием есть свои ограничители, не позволяющие вытеснить традиционное историческое образование, которое происходит через учебные тексты и материалы. Памятники и другие прямые свидетельства, если только при этом нет сопровождающего исторического текста (через путеводитель или экскурсовода), несут в себе ограниченную информацию, без эмоций и с трудно уловимым чувством временной дистанции. Наконец, в образовании наследием заключена опасность антиуниверсализма: познается только то в истории, что можно увидеть в музее, вокруг себя или в случайных поездках по стране и миру. Именно поэтому “хэритидж”, даже если он менее политизирован, чем учебный текст, – всего лишь дополнительный инструмент в формировании исторического сознания. Однако без него современная историческая культура немислима. Более того, в последние годы появился феномен “войны памятников”¹⁷. Памятники разрушали и в прошлом, но без того драматизма и театральности, какие можно было наблюдать при разрушении или перенесении памятников Дзержинскому в Москве, монументам в честь победы над гитлеровской Германией в Таллине и в Тбилиси.

Сегодня *понятие истории и наследия усложняются с усложнением состава населения.* Современные нации имеют в своем составе этнические и религиозные группы, а также регионально-отличительные сообщества, которые воссоздают свои собственные исторические версии. Не только аборигены, но и иммигрантские меньшинства хотят “видеть себя в истории”. Канадцы одними из первых создали еще в 1970-е годы серию монографий о вкладе в историю и культуру страны разных иммигрантских групп населения (итальянцев, украинцев, русских, норвежцев и др.)¹⁸. За ними последовали другие страны.

Сегодня современные нации и их самосознание уже не являются заложниками исторической памяти, как это было полвека назад. Национальная история стала полем конкуренции разных версий гораздо в большей степени, чем это было в эпоху “молчаливого большинства” и безгласных меньшинств. Это ведет к фрагментации целостных версий национальной истории, вызывая недовольство части носителей доминирующей культурной традиции, верхушки политического класса, больше других обеспокоенных общегражданской солидарностью, а также представителей государственной сферы образования, ответственных за программы, учителей и учебники. Но здесь следует отметить фундаментальную проблему современной исторической культуры: *по мере усложнения поля культурной идентичности поле гражданской солидарности не сужается, а наоборот, расширяется.* Понятно, что без идентичности нет солидарности и солидарность в чем-то ограничивает идентичность (можно быть патриотом малой и большой Родины, но патриотом двух государственных сообществ быть крайне затруднительно). Новая историческая культура еще только решает эту проблему в острых дискуссиях.

В той же Канаде три десятилетия спустя после рождения политики многокультурности, частью которой и была серия книг по истории этнических групп, известный

---

¹⁷ Например, см. *Полещук В.* Война памятников. – Межэтнические отношения и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2007.

¹⁸ См. Проблемы историографии Канады. Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1981.

историк (потомок иммигрантов во втором поколении) Дж. Грэнатстейн написал книгу под названием “Кто убил историю Канады?”. В ней автор заявил, что в Канаде историческое сознание исчезает, что наступает историческая амнезия, что у нации отнимается ее общее прошлое. Причиной тому является образовательная политика на уровне провинций, которой отдано на откуп преподавание истории. Содержание последней определяют дискуссии 1960–1970-х годов, направленные против сексизма и расизма. В учебниках по истории на первом месте оказываются региональные проблемы, сюжеты так называемой социальной истории, исторический опыт этнических групп, а совсем не деяния, создававшие единую канадскую нацию. Особенно это касается Квебека, где история остальной Канады изображается как некий “чуждый сценический задник” (alien backdrop). По мнению Грэнатстейна, доктрина мультикультурности подрывает ощущение того, что иммигранты прибывали в страну, которая уже имела свою культуру. Эта доктрина порождает среди иммигрантов и среди франкофонов Квебека убеждение, что у Канады нет национальной культуры и, значит, нет канадской нации¹⁹. С похожей критической оценкой национальных историографий и с критикой министерств образования, отказавшихся от общих программ и стандартов по истории, выступили до этого американка Г. Химмельфарб и англичанин Р. Эванс²⁰. Такие взгляды не получили всеобщей поддержки среди историков и в обществе, но помогли перейти к обновленной образовательной политике.

Есть еще один важный вопрос: как развести два фундаментальных понятия – “история как описание прошлого” и “историческое наследие как часть культурного капитала человека и нации”? Эти два понятия связаны друг с другом, но не идентичны. Как пишет Д. Лоуэнтал, “наследие вообще не является историей, хотя оно пользуется и одушевляется историческим исследованием. Наследие не экскурс в прошлое, а прославление прошлого, не попытка познать, что действительно было, а исповедание (практика) веры”²¹. Историческое наследие чаще всего выглядит и воспринимается как домашняя версия мифического прошлого, столь важного для чувства идентичности. Именно эта версия важна для воспитания ответственного гражданина, и потому школьная история в большой степени – это версия исторического наследия.

КАНОН В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Реакцией на фрагментацию национальных версий стало возрождение дебатов о “культурном каноне”, или о единых стандартах в обучении истории и даже о едином учебнике по истории в масштабах стран Европейского сообщества. Сегодня наблюдается своего рода бум на исторический канон, в том числе на региональные и местные каноны, которые связываются в национальный. В 2010 г. был принят закон “Культурный канон Голландии”. В нем обозначены 50 ключевых тем национальной и всемирной истории, которые должны в обязательном порядке присутствовать в школьном историческом образовании. Причем это не просто обозначение, а трактовка, разделяемая и историками-профессионалами, и обществом. История введения канона (или стандарта) была связана с деятельностью двух комиссий, готовивших доклады, по которым состоялись национальные дебаты. С 2007/08 учебного года в голландском историческом образовании введены две программы: дети с 8 до 14 лет должны изучать все 50 тем – от каменного века до введения денежной единицы евро, а учащиеся старших классов (15–18 лет) изучают европейскую историю с особым упором на историю Голландии. Цель новых программ состоит в том, чтобы усилить национальную идентичность и

¹⁹ Jack L. Granatstein. *Who Killed Canadian History?* Toronto, 1999. См. также критический памфлет известного канадского историка М. Макмиллан. – *MacMillan M. The Uses and Abuses of History.* Toronto, 2008.

²⁰ *Himmelfarb G. The New History and the Old. Critical Essays and Reappraisals.* Cambridge (Mass.), 2004; *Evans R. In Defence of History.* New York, 2000.

²¹ *Lowenthal D. The Heritage Crusade and the Spoils of History.* London, 1997, p. X, 110–111.

более полную интеграцию этнических и религиозных общин через систему общего знания голландской истории и культуры²².

Действительно, преподавание истории – одна из самых острых и постоянно обсуждаемых проблем среди ученых-гуманитариев и общественности. Напомню, что в истории нашей страны известны несколько дебатов и даже партийно-правительственных решений по поводу преподавания истории в школе. В начале 1930-х годов было принято решение о создании единого учебника по истории для советской школы, и по конкурсу таким образцовым учебником для младших классов был признан учебник истории А.В. Шестакова. В мои школьные 1950-е годы мы занимались по учебнику истории, написанному академиком А.М. Панкратовой. Затем появились учебники академиком Б.А. Рыбакова и М.В. Нечкиной, профессора А.А. Преображенского. По всеобщей истории авторами учебников были академики С.Д. Сказкин и В.М. Хвостов. Скажем откровенно, что эти учебные версии были не просто “идеологически выдержаны”, но и зачастую лишены живой ткани истории в ущерб схемам. В них замалчивались или снижались важнейшие события, герои и вклад в российскую историю разных народов и групп населения. Эти учебники отличала националистичность и этноцентричность в том смысле, в каком обычно и пишутся школьные учебники, а их самой слабой стороной было обеднение истории из-за классового подхода. Но в любом случае их писали профессионалы высшего класса, хорошо владевшие писательским пером.

В последние десятилетия вопрос о школьной истории и о национальных версиях прошлого тесно переплелся с проблемами глобальных переоценок после окончания “холодной войны” или периода “большого противостояния”, с проблемами государственности после распада СССР и Югославии, с причудливыми трансформациями национализма и поисками национальной идентичности. Сразу же скажу, что не следует все эти вопросы и проблемы сваливать в одну кучу. Сначала полезно разобраться хотя бы в вопросе о преподавании истории и о возможности “эталонной истории”.

Следует признать, что в обществе существует несколько вариантов обращения к истории. Один из них – научная историография, т.е. академическая версия прошлого, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Но есть и так называемая фольк-история (народная или устная история), есть история, воплощенная в местах памяти, музейных экспозициях, календаре и топонимике. Есть история национального и этноконфессионального самосознания – своего рода история формирования, конструирования, эволюции идентичности народа или регионально-этнических сообществ в рамках одного государства. Наконец, сегодня можно говорить о медийном варианте исторической презентации, воплощенной в многочисленных исторических сериалах, блокбастерах, телевизионных шоу. Скорее всего, правильнее было бы назвать все эти варианты жанрами исторических презентаций, но в некоторых аспектах они больше, чем жанр. Так, например, создатель фильма на историческую тему может пренебречь фактической точностью, исторической повествовательностью и даже позволить себе вымысел, если того требует художественный замысел. Драматическая сторона телевизионных шоу представляет собой антипод академической трактовки тех же самых тем и проблем. Но все названные варианты историй имеют отношение к формированию национального самосознания.

В каком-то смысле школьная история есть одна из особых форм бытования и использования исторического знания. Ее отличительная черта – наличие в гораздо большей степени политического воздействия и правительственного контроля, и прежде всего через такие механизмы, как учебные планы, программы (курукулумы) и система экзаменов (сейчас она “единая государственная”). Казалось бы, такой нейтральный механизм, как план и сетка учебных часов, на самом деле может значить многое, а именно: сколько физического времени отводится в школьных классах на изучение истории, главным образом, национальной истории. Объем и глубина знаний о собствен-

---

²² *Vos M. de. The Return of the Canon: Transforming Dutch History Teaching. – History Workshop Journal, v. 67, № 1, p. 111–124.*

ной стране напрямую зависят от того, насколько подробно или селективно преподается соответствующий предмет. Есть и непосредственный путь вмешательства власти в школьные версии истории – через учебные материалы, которые получают своего рода сертификаты на использование от государственных образовательных структур разного уровня. В некоторых странах школьные исторические учебники должны быть “допущены” центральным министерством. В некоторых странах это прерогатива регионов (штатов, провинций и т.п.).

Кроме того, школьная история является своего рода вариантом истории официальной. Во многих странах содержание программ решается правительствами, и по закону учителя обязаны обучать темам, которые всегда включают национальную историю с некоторыми различиями. В демократических странах по этому поводу происходят общественные дискуссии, но все равно учебные версии – не рыночный продукт. Последним можно назвать телевизионные исторические сериалы, которые могут иметь широкую популярность и воздействовать не меньше школьных версий. И все же, *при всей критике исторических учебников для школы, они остаются основным инструментом обучения истории.*

Давление на школу и формы контроля по части преподавания истории исходят не только от правительства, но и от разных сегментов общественности (политических партий, общественных организаций, родительских сообществ, церкви и т.д.). Причина подобных устремлений – озабоченность тем, чтобы история вносила свой вклад в обучение социальным нормам и моральным ценностям, в тот или иной момент доминирующим в обществе, или таким, которые хотели бы внедрить в общество те или иные влиятельные институты, а иногда даже отдельные личности или группы. В настоящее время история должна доказывать свою полезность и необходимость в условиях ограниченного школьного времени и при конкуренции таких новых дисциплин, как граждановедение, краеведение, обществознание.

Эмпирические данные о влиянии преподавания истории в школе на национальную идентичность довольно ограничены. Английский историк П. Бриндл показал, что даже в начале XX в. традиционные национальные истории подвергались постоянной критике. К тому же в классных комнатах малоквалифицированные учителя часто учили совсем не тому, что было заложено в программы и написано в учебниках²³. Заслуживает внимания и такой аргумент: в Шотландии, например, история собственно Шотландии преподавалась в школах всегда в урезанном виде, но это никак не отразилось на сохранении сильной шотландской идентичности. То же самое можно сказать о национальных версиях школьной истории в других странах, где эти версии чаще всего носят централистский или этноцентричный характер и не оставляют места для мини-национальных версий (к примеру, каталонской, корсиканской, бретонской или ирландской). Здесь почти всегда идет жестокая борьба за исторические интерпретации, и этот опыт для России может быть полезен. По крайней мере, с учетом многоэтничного состава населения и федеративного устройства данный опыт более интересен, чем проекты единых европейских учебников.

В 1970–1980-е годы, изучая проблемы преподавания истории в США и Канаде, я столкнулся с жестокими баталиями по этим вопросам. В США бестселлером стала книга Ф. Фитцджеральд “Пересмотр Америки”, посвященная искажениям американской истории в школьных трактовах²⁴, а в Канаде скрыто обсуждалась и тайно рекомендовалась книга квебекского интеллектуала Л. Бержерона “Учебник патриота”, где история французской Канады излагалась совсем по-иному и с отчетливо сепаратистских позиций²⁵. Кстати, такие “учебники патриотов” появились сначала в США и до сих пор существуют там среди ультрафундаменталистов. Некое их подобие есть теперь в России, Украине, странах Балтии.

---

²³ Brindle P. History and National Identity in the Classroom. – History Today, 1997, v. 47, № 6, p. 6–8.

²⁴ Fitzgerald F. America Revised. Boston-Toronto, 1980.

²⁵ Bergeron L. The History of Quebec. A Patriot's Handbook. Toronto, 1971.

ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Школьная история и национальная история – связанные понятия, ибо курсы отечественной истории попали в школьные учебные программы многих стран еще на заре становления национальных систем образования именно в качестве обязательных предметов обучения. Введение этих курсов было обусловлено системой всеобщего обучения и расширением круга обладателей избирательного права. Так было в Великобритании во второй половине XIX в.²⁶, так было и в других европейских странах. История становилась обязательным школьным предметом в новых независимых государствах как в эпоху деколонизации после Второй мировой войны²⁷, так и после распада СССР, когда в постсоветских государствах введение обязательных курсов не являлось чем-то новым, но новой стала задача создать версии национальной истории для каждого из государственных образований²⁸.

Не менее значимым моментом в истории вопроса был интерес Европейского совета к школьному преподаванию истории на континенте, который возник почти одновременно с появлением самых первых европейских институтов и форм интеграции. С конца 1950-х годов Совет Европы спонсировал много конференций и семинаров для учителей, а также заказные исследования. Последние показали, что национальные истории повсеместно доминировали в школьных курсах. Кроме того, национальные ориентации мировидения влияли и на выборочность того, чему обучали учеников по предмету мировой истории. Например, тема великих географических открытий XV–XVI вв. присутствовала во всех школьных евроверсиях истории, но выбор путешественников и первооткрывателей почти всегда делался в пользу соотечественников. Нам это хорошо известно по шуливой поговорке “СССР – родина слонов”.

В западноевропейских версиях национальный уклон особенно затрагивал трактовку средневековой истории Европы, а также религиозную историю, в которой совсем не замечалось присутствия ортодоксального (православного) христианства. История Китая, Индии или африканских стран рассматривалась исключительно в контексте колонизации и в крайне урезанном виде. Точно так же с выборочных позиций в каждой стране освещались важнейшие международные события и многосторонние договоры, например, Первая мировая война и Версальская система устройства послевоенного мира.

Спустя полвека ничего особенно не изменилось. Национальные исторические нарративы доминируют в школьном обучении и определяют школьные исторические программы. Это показало обследование школьных программ в 12 западноевропейских странах в 1990-е годы²⁹, а также последующие доклады в рамках Совета Европы, которые охватывают более широкий круг стран. Попытки ввести в европейские школы больше материалов по всеобщей истории вызвали ответную реакцию, и многие страны пересмотрели свои учебные программы по истории именно под углом укрепления национальных версий и придания им большей целостности и последовательности вместо разного рода увлечений междисциплинарностью и прочими методическими новациями.

В странах бывшего СССР национальные нарративы вообще были сконструированы на постколониальной парадигме, избавлении от имперского господства и восстановле-

---

²⁶ Marsden W. “All in a Good Cause”: Geography, History and the Politicisation of the Curriculum in Nineteenth and Twentieth Century England. – *Journal of Curriculum Studies*, 1995, v. 21, № 6.

²⁷ Perceptions of History. International Textbook Research on Britain, Germany and the US. Ed. by V. Berghahn, H. Schissler. Oxford – Berg, 1987.

²⁸ См. изданную Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников книгу “Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве” (Брауншвейг, 2010), а также см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. М., 1999; Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

²⁹ Stradling R. History and the Core Curriculum 12–16. – Consortium of Institutions for Development and Research in Education in Europe, 1993, v. 6. Enschede, The Netherlands.

нии древней исторической государственности титульной этнонации. Все это вызывает сейчас недовольство многих людей и групп населения, как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Серьезные разборки, видимо, еще впереди. Но одно можно сказать определенно: эталонных версий для стран Средней Азии, Закавказья и даже Балтии создать не удастся. Даже в советское время мой ныне покойный учитель академик А.Л. Нарочницкий, возглавляя Институт истории СССР, не смог реализовать проект написания 4-томных региональных историй Средней Азии и Закавказья. Максимум, что вышло, – это два тома из четырех по истории Северного Кавказа.

За последние полвека, к началу XXI столетия, содержание школьных историй изменилось. В центре осталась история собственной страны, но это уже не только политическая, но и социальная история, включающая историю всех основных групп (этнических, расовых, религиозных) и категорий населения (женщины, молодежь, старшее поколение, инвалиды и т.д.). Изменился метод обучения истории, сделавший предмет истории менее авторитарным и не таким монолитным, как катехизис. В ряде стран внедрили источниковый метод, когда ученик больше задумывается над историческими свидетельствами и рассматривает их с разных точек зрения. В 1970-1980-е годы был популярен “ценностный подход”, когда детей обучали не столько хронологической последовательности событий, сколько тому, чему учат те или иные исторические события (неравенство, насилие, патриотизм, толерантность и т.п.). Однако хронологический подход остался доминирующим, по крайней мере, в европейской школьной истории. Новейшие периоды истории обычно имеют более всемирный характер изложения, хотя эта всемирность ограничивается чаще всего показом роли немногих великих держав.

Существенной новацией школьных версий национальных историй стало появление их различных региональных вариантов. На Британских островах, в Швейцарии, Бельгии, Испании, Германии на смену монолитным интерпретациям пришли более открытые и сложные по набору фактов и героев истории. Другими словами, каталонский вариант школьной истории Испании отличается от мадридской (кастильской) версии, равно как ольстерцы и шотландцы имеют отличительные варианты национальных историй³⁰. Однако что представляет собой национальная история для дублинского школьного учителя? Такой вопрос остается без ясного ответа: для одних – это британская история, для других – история Шотландии и шотландцев. Фактически региональная история Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии преподается как национальная в пике или в дополнение к общебританской версии прошлого. И все же главная причина сдвига в содержании национального нарратива для школьников заключается в том, что сами нации теперь рассматриваются не как культурные монолиты, а как сложные сообщества, включающие разные этноконфессиональные традиции.

Степень изоляционизма национальных версий разная в различных странах. Во французских или итальянских школьных учебниках можно встретить ссылки на Великобританию при изучении истории индустриализации, парламентской демократии или конституционной монархии, но из английских учебников ученики мало что узнают об истории Италии и Франции. Сравнительный контекст – один из критериев открытости или изоляционизма школьной истории. В этом отношении российские учебники выглядят предпочтительнее: к примеру, о революциях, национально-освободительных и социальных движениях, а также о войнах российские школьники получают вполне достаточные сведения, причем не только на отечественных материалах.

Почему в школьных историях национальная версия прошлого стоит на первом месте, казалось бы, вполне понятно: свою историю нужно знать и передавать следующим поколениям. *Отечественная история – существенный компонент национальной идентичности. Считается, что общество, которое не интересуется своим прошлым и не озабочено его содержанием, рискует потерять свою идентичность.* Но на этот резон подчас выдвигаются противоположные аргументы. Так, например, известный историк

---

³⁰ Phillips R., Goalen P., McCully A., Wood S. Four Histories, One Nation? History Teaching, Nationhood and a British Identity. – Compare: A Journal of Comparative Education, 1999, v. 29, № 2.

Э. Хобсбаум предупреждал о риске связывать историю с национальной идентичностью или же строить последнюю на основе исторического материала. “Все человеческие индивиды, коллективы и институты, – писал он, – нуждаются в прошлом, но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм”³¹. По мнению историка, именно школьная история и есть то самое место, где из истории чаще всего рождается миф. “Почему все режимы принуждают молодых людей изучать в школе историю? Не для того, чтобы понимать свое общество и происходящие в нем изменения, а для того, чтобы принять это общество как свое, гордиться им и стать хорошим гражданином США или Испании, Гондураса или Ирака... История как форма вдохновения и как идеология заключает в себе способность становиться самооправдательным мифом”³², – подчеркивал он.

В настоящее время *концепции национальной идентичности уже не рассматриваются как основанные сугубо на прошлом опыте страны и ее народа. Важные компоненты формирования национального самосознания – это религия, язык, символичные ритуалы и памятные места, праздничные дни, художественная культура и СМИ. Сегодня влияние спорта и кино по телевидению не менее значительно, чем школьная история, которую зачастую подвергают жестокой критике те же самые популяризаторы, питающиеся не только от профессионального знания, но и от собственного воображения. Да и саму школьную историю некоторые ученые считают основанной на мифических интерпретациях. Как пишет Э. Смит, национальное прошлое в качестве компонента идентичности “содержит зерна исторических фактов, вокруг которых вырастает опухоль преувеличений, идеализации, аллегорий и искажений, а вместе они составляют широко разделяемый исторический рассказ о героическом прошлом, который служит коллективной потребности в настоящем и в будущем”*³³. Подобные школьные версии характерны для большинства национальных сообществ и культурно отличительных общин. Нейтральные и неэтноцентристские версии представляют собой скорее исключение, чем правило.

Аналогичной позиции придерживается исследовательница вопроса о школьном преподавании Э. Лоу-Бир – энтузиаст нормативного общеевропейского подхода к школьной истории. Она пишет: “Возможно, пришло время освободить школьную историю от установки, что ее главная цель – это формирование чувства национальной идентичности, или же обучение гражданским нормам и ценностям, либо ознакомление с наследием... Для этого имеются другие школьные предметы, включая географию, литературу, музыку, но почему-то формирование национальной идентичности не является их главной целью. Их цель – получение представлений и понимание данных форм знания, расширение культурных горизонтов обучающихся. Правительственный контроль за школьной историей делает ее легкой добычей для националистической пропаганды. История в ее многих формах легче всего подвергается деформации в школьных классах. Изучение национальной истории в школе является всеобщей практикой, но оно должно представлять собой введение в историю общества, в котором живут ученики, а также давать навыки исторического мышления. Чувство идентичности, личностное или национальное, есть то, что ученики в конечном счете вырабатывают для себя сами из самых разных источников”³⁴.

Обе обозначенные выше позиции представляются мне проявлением общеевропейской кичливости изошренных интеллектуалов. Не называю их взгляды космополитичными, но они схожи с таким мировидением. Страны-новообразования или страны, пережившие геополитические катаклизмы, к нему не готовы.

³¹ *Hobsbawm E.J. On History. London, 1997, p. 357.*

³² *Ibidem.*

³³ *Smith A.D. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge, 1995, p. 53.*

³⁴ *Low-Beer A. School History, National History and the Issue of National. – Identity. www.heirnet.org/IJHLTR/journal5/Low-Beer.pdf*

В ЗАЩИТУ ДОСТОИНСТВА МУЗЫ КЛИО

На заключительном пленарном заседании конгресса с лекцией выступила известная голландская писательница Неллеке Ноордервлиет – автор нескольких исторических романов и биографий. Ее эпатажное выступление содержало не меньше банальностей, чем доклады про роль воды в истории, которые сделали на первом пленарном заседании конгрессные руководители (президенты МКИН, местного оргкомитета и др.). Но в лекции голландской просветительницы были положения, заслуживающие комментариев в заключение нашей статьи. Лекция начиналась так: “Каждый знает, что Клио – это шлюха. Она сидит перед окном в квартале красных фонарей. Игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин и предоставляет им все, чего они пожелают: быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, необузданную страсть, и все это делает без особого напряжения. Такова ее игра, но, кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто ее спрашивает об этом. Она выглядит вечно молодой, хотя стара, как мир, и уж, конечно, старше своей профессии”.

По мнению Ноордервлиет, в Голландии и в других европейских странах возобновленный интерес к истории связан прежде всего с проблемой идентичности, которая, в свою очередь, вызвана неопределенностью и быстрыми переменами современной жизни, массовой иммиграцией и утратой корней. Считается, что люди обращаются к музе истории в поиске комфорта, индивидуального и коллективного признания и что в целом такое обращение – процесс позитивный. “Чем больше толпа жаждущих у красного фонаря, возле окна Клио, тем лучше. Но я не думаю, что дело обстоит именно так, и именно это собираюсь обсуждать с вами сегодня”, – сформулировала свою цель докладчица.

Действительно, история важна с точки зрения своей общественной цели – воспитания добропорядочного, ответственного гражданина. Перемены и кризисы, с которыми сталкиваются государственные сообщества, заставляют их искать ответы на вопросы, что было правильным, а что нет в том, каким образом мы создавали сегодняшнее общество. “Куда идет Россия?” или “Что мы построили?” – такие вопросы среди самых любимых в гуманитарных собраниях на протяжении многих лет в нашем Отечестве. Обсуждают их больше всего экономисты, политологи, социологи и меньше – историки.

Поиск ответа на сегодняшнюю ситуацию, считает Ноордервлиет, входит в задачу историка, ибо он несет ответственность не только за живущих, но и за тех, кто жил в прошлом. Он должен быть честным по отношению к ушедшим. Историк как бы говорит от имени умерших, и в этом состоит его особая ответственность. “Историк снабжает материалом политика, но не желает влиять на его использование? Историк поставляет материал писателю и кинорежиссеру, но позволяет им исказить этот материал? В таком случае историки не выполняют своих обязанностей перед обществом. Очевидно, что они должны были бы противодействовать всему этому. Историк должен быть первым среди тех, кто активно защищает право общества на свое прошлое. Но как историки формируют свою социальную ответственность?” – спрашивает Ноордервлиет.

Каждый человек участвует в истории, и каждый имеет право знать прошлое. Согласно нормальным образовательным принципам, передача знания должна осуществляться на уровне понимания той или иной целевой аудитории. Из этого исходят любой музей и любая школа. Методы обучения и учебные материалы меняются постоянно. Дискуссии продолжаются всегда, но одно остается неизменным: *обучение истории должно основываться на фактах и на общеразделяемых интерпретациях прошлого*. В принципе наука и образование идут в одном направлении. Общество является пассивным получателем знания; это – эксперт, определяющий, как можно заинтересовать историей и каким образом нужно обучать истории. Музеи и издательства в сфере образования сотрудничают с историками в поиске “золотой середины” между трактовками и различия-

ми в историческом прошлом. Традиционная роль историка в обществе – быть учителем и просветителем. Но историк может сделать гораздо больше.

Сегодня, как никогда, популярны литературные сочинения на историческую тему. Помимо литературной критики, именно профессиональные историки могут подсказать ответ на вопрос: что ищут люди в прошлом – ностальгию, романтику, уход от серой реальности? Или что-то еще, помогающее им взглянуть более свежим взглядом на сегодняшний день? Сами историки обычно не рискуют ударяться в историческую беллетристику, считая это занятие ниже своего достоинства, или же не желают отрываться от кабинетных занятий. Но историки могли бы более активно отнестись к работам беллетристов и других популяризаторов, указывая на фактические неточности, неверные интерпретации, намеренные фальсификации.

“Я ставлю популяризаторов и тружеников исторического поля по правую сторону линии, которая отделяет адекватность от вульгарности, – говорит Ноордервлиет. – Они пытаются сделать из Клио порядочную женщину. На неправой стороне те, кто наносит вред Клио и даже отказывается оплачивать ее услуги. Это – вульгаризаторы и фальсификаторы. Те самые, у кого карета викторианской эпохи проезжает по улице времен Тюдоров. Те, кто искажает внешний облик и характер исторических персонажей, кто фальсифицирует факты и цифры без всяких на то оснований. Почему это так плохо? Каждый имеет право поступать, как ему заблагорассудится, ибо муза истории не правовая инстанция, которая может начать расследование против тех, кто “демонизирует” ее. Она, говоря по-простому, принадлежит каждому. Но при всем при том есть историческая респектабельность и есть историческая криминальность. Разница в классе существует. Толерантность и здравый смысл зачастую вынуждают нас не замечать многого, но, когда имя Клио мажут грязью, самый решительный протест принесет исторической профессии только пользу. Деградирование Клио невозможно объявить вне закона, однако, когда вульгаризация, обожествление, фальсификация и спекуляция переходят всякие рамки, об этом нужно говорить во весь голос”.

Ноордервлиет предложила создать (видимо, в Голландии или в евромасштабе) своего рода Офис исторических жалоб, который собирал бы факты искажений и курьезов и защищал право людей на адекватную историю. Этот офис должен публиковать периодические отчеты, а также консультировать писателей, сценаристов и телевизионщиков, производителей сувениров и организаторов всевозможных празднеств на предмет адекватной трактовки прошлого. “Тем самым наводился бы мост между наукой и обществом”, – делает вывод докладчица.

Как я уже отмечал в начале статьи, сегодня история нуждается не просто в общественном диалоге, но и в выстраивании границ взаимодействия с политикой.

“Муза Клио, возможно, является шлюхой, но шлюхой, которая *заслуживает нашего уважения*”, – заключила Ноордервлиет. С этими последними, выделенными курсивом словами автор целиком согласен.